

POEMAS

ЧАРОДЕЙ

Анастасии Цветаевой

Он был наш ангел, был наш демон,
Наш гувернер — наш чародей,
Наш принц и рыцарь. — Был нам всем он
Среди людей!

В нем было столько изобилий, 5
Что и не знаю, как начну!
Мы пламенно его любили —
Одну весну.

Один его звонок по зале — 10
И нас охватывал озноб,
И до безумия пылали
Глаза и лоб.

И как бы шевелились корни 15
Волос, — о, эта дрожь и жуть!
И зала делалась просторней,
И уже — грудь.

EL MAGO

*a Anastasia Tsvietáieva*¹

Él era nuestro ángel, nuestro demonio,
nuestro gobernador, nuestro mago,
nuestro príncipe y caballero. Era nuestro
entre todo el mundo.

Tenía tantas cualidades 5
que no sé cómo comenzar.
Le quisimos con ardor
una primavera.

Una llamada suya en el salón 10
nos producía escalofríos
y hasta la locura ojos
y frentes ardían.

Las raíces de nuestros cabellos 15
parecían temblar, ¡oh, ese temblor y horror!
Y el salón se hacía más ancho
y nuestro pecho, más estrecho.

¹ Hermana menor de Marina, Anastasia Tsvietáieva (1894-1993) escribió unas *Memorias* (1971), sobre su infancia y juventud con ella.

И руки сразу леденели,
И мы не чувствовали ног.
— Семь раз в течение недели
Такой звонок! 20

* * *

Он здесь. Наш первый и последний!
И нам принадлежащий весь!
Уже выходит из передней!
Он здесь, он здесь!

Он вылетает к нам, как птица, 25
И сам влетает в нашу сеть!
И сразу хочется кружиться,
Кричать и петь.

* * *

Прыжками через три ступени
Взбегаем лесенкой крутой 30
В наш мезонин — всегда весенний
И золотой.

Где невозможный беспорядок —
Где точно разразился гром
Над этим ворохом тетрадок 35
Еще с пером.

Над этим полчищем шарманок,
Картонных кукол и зверей,
Полуобгрызанных баранок,
Календарей, 40

Неописуемых коробок,
С вещами не на всякий вкус,
Пустых флакончиков без пробок,
Стеклянных бус,

Y las manos al instante se helaban,
y no sentíamos nuestros pies.
Siete veces a la semana
sonaba esa llamada. 20

* * *

Él está aquí. ¡Nuestro, primero y único!
Enteramente nuestro.
¡Ya sale de la entrada!
¡Él está aquí, él está aquí!

Vuela hacia nosotras como un ave, 25
vuela hasta nuestro nido.
Y al instante queremos rodearle,
gritar y cantar.

* * *

Subimos corriendo la escalera,
saltando los escalones de tres en tres, 30
hasta nuestra escarpada entreplanta,
siempre primaveral y dorada,

donde, en imposible desorden,
como devastada por un rayo,
hay una pila de cuadernos 35
con una pluma,

un ejército de peluches,
fieras y muñecas de cartón,
ovejas medio rotas,
calendarios, 40

indescriptibles cajas
con cosas de todos,
frascos vacíos sin tapones,
collares de cristal

- Чьи ослепительные грозди
Clinguantes, éclatantes grappes — 45
Звеня опутывают гвозди
Для наших шляп.
- Садимся — смотрим — знаем — любим,
И чуем, не спуская глаз, 50
Что за него себя погубим,
А он — за нас.
- Два скакуна в огне и в мыле —
Вот мы! — Лови, когда не лень! —
Мы говорим о том, как жили 55
Вчерашний день.
- О том, как бегали по зале
Сегодня ночью при луне,
И что и как ему сказали
Потом во сне. 60
- И как — и мы уже в экстазе! —
За наш непокоримый дух
Начальство наших двух гимназий
Нас гонит двух.
- Как никогда не выйдем замуж, 65
— Так и останемся втроем! —
О, никогда не выйдем замуж,
Скорей умрем!
- Как жизнь уже давным-давно нам —
Сукно игорное: — vivat! 70

con deslumbrantes racimos, 45
clinquantes, éclatantes grappes².
Titilan y se enredan en los alfileres
de nuestros sombreros.

Nos sentamos, miramos, sabemos, queremos 50
y, sin bajar la vista, sentimos
que moriremos por él
y él, por nosotras.

Dos espumosos corceles en llamas
somos nosotras. Atrápame, si no te da pereza.
Hablamos de cómo 55
vivimos el día de ayer,

cómo corrimos por la casa
anoche bajo la luna,
qué le dijimos después
en sueños y cómo. 60

Y cómo, extasiadas,
por nuestro indómito espíritu,
los directores de nuestros dos gimnasios
nos regañan a las dos,

cómo nunca nos casaremos, 65
así estaremos unidos los tres,
oh, nunca nos casaremos:
antes moriremos.

Cómo para nosotras la vida hace tiempo
es un tablero de juego: — vivat!³. 70

² En francés en el original: ostentosas, deslumbrantes grapas.

³ En latín en el original: ¡Viva!

За Иоанном — в рай, за доном
Жуаном — в ад.

* * *

Жерло заговорившей Этны —
Его заговоривший рот.
Ответный вихрь и смерч, ответный 75
Водоворот.

Здесь и проклятья, и осанна,
Здесь всё сжигает и горит.
О всем, что в мире несказанно,
Он говорит. 80

Нас — нам казалось — насмерть рая
Кинжалами зеленых глаз,
Змеей взвиваясь на диване!..
О, сколько раз

С шипеньем раздраженной кобры, 85
Он клял вселенную и нас, —
И снова становился добрый...
Почти на час.

Чревовещание — девизы —
Витийства — о, король плутов! — 90
Но нам уже доносят снизу,
Что чай готов.

* * *

Среди пятипудовых теток
Он с виду весит ровно пуд:

Seguimos a san Juan en el paraíso,
y a don Juan en el infierno.

* * *

El cráter parlante del Etna
es su boca cuando habla.
Torbellino y tornado, como respuesta, 75
tromba de agua, como respuesta.

Aquí, vituperios y alabanzas,
aquí todo arde y se consume.
De todo lo no dicho en el mundo,
él habla. 80

Nos parecía una herida mortal
el puñal de sus verdes ojos,
sierpe reptando en el diván,
oh, cuántas veces
como pérfida cobra él maldecía 85
el mundo y a nosotras
y de nuevo volvía a ser bueno...
casi por un instante.

Ventrílocuo pregonando grandilocuentes
eslóganes. ¡Oh, rey de los bribones! 90
Pero ya nos mandan bajar:
el té está listo.

* * *

Entre tantas tías de cinco *puds*⁴,
él pesa justo uno,

⁴ Antigua medida de peso rusa, equivalente a 16,3 kilos.

Так легок, резок, строен, четок, 95
Так страшно худ.

Да нет, — он ничего не весит!
Он ангельски — бесплотно — юн!
Его лицо, как юный месяц,
Меж полных лун. 100

Упершись в руку подбородком, —
О том, как вечера тихи,
Читает он. — Как можно теткам
Читать стихи?!

* * *

О, как он мил, и как сначала 105
Преувеличенно-учтив!
Как, улыбаясь, прячет жало
И как, скрестив

Свои магические руки,
Умеет — берегись, сосед! — 110
Любезно отдаваться скуке
Пустых бесед.

Но вдруг — безудержно и сразу! —
Он вспыхивает мятежом,
За безобиднейшую фразу 115
Грозя ножом.

Еще за полсекунды чинный,
Уж с пеной у рта взвел курок.
— Прощай, уют, и именинный,
Прощай, пирог! 120

* * *

tan ligero, esbelto, preciso, 95
tan terriblemente enjuto.

Pero no, él nada pesa.
Joven angelical, etéreo.
Su rostro es como la luna nueva
entre lunas llenas. 100

La mano sostiene el mentón,
dice que las veladas son tranquilas,
recita poemas. ¿Cómo puede
recitar poemas a nuestras tías?

* * *

¡Qué cariñoso es, y qué exageradamente 105
adorable era al principio!
¡Cómo sonreía, escondiendo su agujijón,
y cómo cruzaba

sus mágicas manos!
Sabía —¡muévete, vecino!— 110
entregarse entrañable al tedio
de las conversaciones vacías.

Pero, de pronto, sin previo aviso,
se soliviantaba rebelde
por una inocente frase 115
y con un cuchillo amenazaba.

Un instante antes parecía remilgado,
y ahora, con espuma en la boca, el gatillo apretaba.
—¡Adiós, bienestar y onomástica,
adiós, tarta de aniversario! 120

* * *

Чай кончен. Удлинились тени,
И домурлыкал самовар.
Скорей на свежий, на весенний
Тверской бульвар!

Нам так довольно о Бодлере! 125
Пусть ветер веет нам в лицо!
Поют по-гоголевски двери,
Скрипит крыльцо. —

В больших широкополых шляпах 130
Мы, кажется, еще милей...
— И этот запах, этот запах
От тополей.

Бульвар сверкает. По дорожке 135
Косые длинные лучи.
Бегут серсо, за ними ножки,
Летят мячи,

Другие остаются в сетках.
Вот мальчик в шапочке «Варяг»
На платъице в шотландских клетках
Направил шаг. 140

Сияют кудри, щечки, глазки,
Ревун надулся и охрип.
Скрипят колесами коляски,
— Протяжный скрип. —

Там мама наблюдает зорко 145
За девочкой с косой, как медь.

Terminó el té. Las sombras se alargaron,
y el samovar cesó de ronronear.

¡Deprisa! Vayamos al fresco y primaveral
bulevar de Tver.

¡Basta ya de hablar de Baudelaire! 125

¡Que el viento sople en nuestro rostro!
Cantan las puertas como en el cuento de Gógol⁵,
cruje el porche.

Con nuestros sombreros de largas alas
parecemos aún más bellas... 130

—Y ese olor, y ese olor
de los álamos.

Brilla el bulevar. Largos y
oblicuos rayos por el camino.
Ruedan los aros, tras ellos, unas piernitas 135
vuelan globos.

Otros se quedan en las mallas.
Aparece un chico con un sombrero (Variag)⁶,
encamina sus pasos
hacia una falda escocesa. 140

Relucientes rizos, carrillos, ojitos,
la garganta se hincha y enronquece.
Chirrían las ruedas del carrito,
un prolongado chirrido.

Allí, una mamá sin tregua vigila 145
a la niña de trenzas cobrizas.

⁵ Alusión al cuento de Gógol, «Propietarios de antaño».

⁶ Marca de sombreros. Significa «varego», denominación rusa de «vikingo».

В одной руке ее — ведерко,
В другой — медведь.

Какой-то мальчик просит каши.
Ох, как он, бедный, не дорос 150
До гимназической фуражки
И папирос!

О вейтесь, кудри, вейтесь, ленты!
Увы, обратно нет путей!
Проходят парами студенты 155
Среди детей.

Играет солнце по аллеям...
— Как жизнь прелестна и проста! —
Нам ровно тридцать лет обеим:
Его лета. 160

* * *

О, как вас перескажешь ныне —
Четырнадцать — шестнадцать лет!
Идем, наш рыцарь посредине,
Наш свой — поэт.

Мы по бокам, как два привеска, 165
И видит каждая из нас:
Излом щеки, сухой и резкий,
Зеленый глаз,

Крутое острие бородки,
Как злое острие клинка, 170
Точеный нос и очерк четкий
Воротничка.

En una mano lleva un cubo,
en la otra, un oso.

Un niño pide papilla,
oh, el pobre. Aún no ha crecido
para llevar gorra de bachiller
y cigarrillos. 150

Girad, rizos, girad, lazos.
¡Lástima! ¡No hay camino de vuelta!
Pasan parejas de estudiantes
entre los niños. 155

Juega el sol en las avenidas.
—¡Qué simple y encantadora es la vida!
Entre las dos sumamos treinta años:
su edad. 160

* * *

¿Cómo describirles ahora
los catorce y los dieciséis años?
Andábamos con nuestro caballero en medio,
nuestro poeta.

Nosotras a los costados, como dos fardos,
y cada una veía:
el perfil duro y seco de una mejilla,
un ojo verde, 165

el prominente y agudo mentón.
la pérfida y puntiaguda barbilla,
la nariz afilada y el contorno preciso
del cuello. 170

(Кто с нашим рыцарем бродячим
Теперь бредет в луче златом?..)
Над раскаленным, вурдалачьим,
Тяжелым ртом, — 175

Уса, взлетевшего высоко,
Надменное полукольцо...
— И всё заглядываем сбоку
Ему в лицо. 180

А там, в полях необозримых,
Служа Небесному Царю,
Чугунный правнук Ибрагимов
Зажег зарю.

* * *

На всём закат пылает алый,
Пылают где-то купола,
Пылают окна нашей залы
И зеркала. 185

Из черной глубины рояля
Пылают гроздья алых роз.
— «Я рыцарь Розы и Грааля,
Со мной Христос, 190

Но шел за мной по всем дорогам
Тот, кто присутствует и здесь.
Я между Дьяволом и Богом
Разорван весь. 195

(¿Quién de nuestros caballeros errantes
vaga ahora en un rayo dorado?..) 175
Sobre su pesada y ardiente
boca de vampiro,

el bigote de alto vuelo
forma un semicírculo...
Y desde el costado, no dejábamos
de mirar de reojo su rostro. 180

Allí, en los vastos campos,
sirviendo al Rey del Cielo,
el descendiente en hierro fundido de Ibrahim⁷
encendía el crepúsculo.

* * *

El ocaso teñía todo de púrpura, 185
se iluminaban a lo lejos las cúpulas,
se iluminaban las ventanas de nuestro salón
y los espejos.

De las negras oquedades del piano
se iluminaban racimos de rosas escarlatas. 190
—«Soy el Caballero de la Rosa y del Grial,
Cristo está conmigo,

pero por todos los caminos vino tras de mí
ese, también presente aquí.
Entre Dios y el diablo, 195
estoy completamente desgarrado.

⁷ Alusión a la estatua de Pushkin en Moscú.